ДБ 350 Д31
Демор, В
М. В. Петрашевский
ПБ., 1920

ДБ
350
Д 31

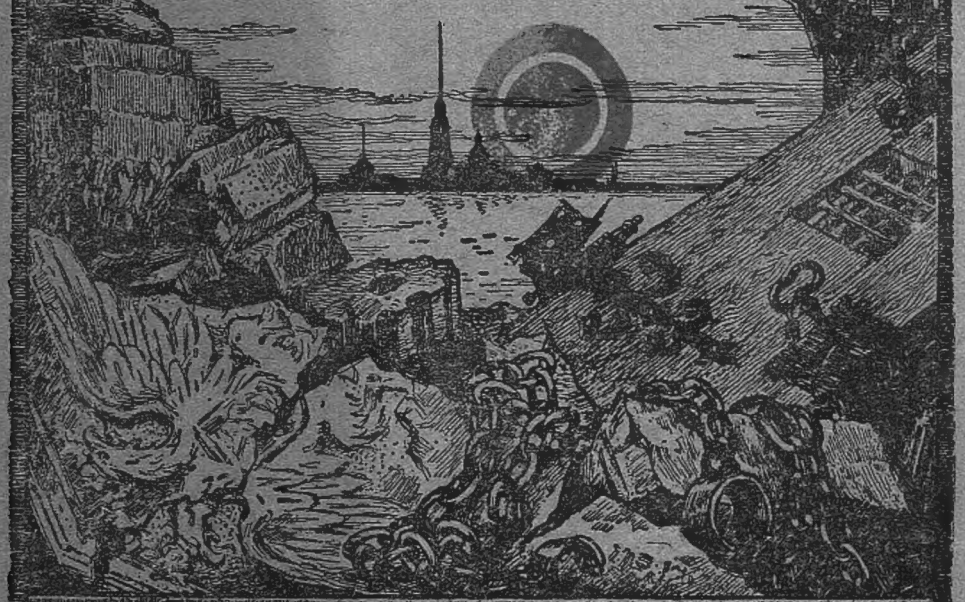
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вл. Петр. Демор

М. В. ПЕТРАШЕВСКИЙ

(Буташевич)

Биографический очерк



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ◆ 1920

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.
Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

в Петербурге—Просп. 25 Октября, д. 28.

	Цена. Р. К.
Адлер, Георг. Анархизм	10 —
Адлер, Ф. Возрождение Интернационала	45 —
Ад-янц. Крестьянский вопрос во Франции. Разошлось	— 55
Азбука разрезная, большая. Совместное издание с комиссией ликвидации безграмотности	— —
Тоже.—малая	— —
Алексеев и *Варлен.* Две речи	— 70
Алтаев, А., и *Феличе, А.* В огне восстания	5 —
Арну. Мертвецы коммуны	— 45
Его-же. Народная история Парижской Коммуны	10 —
Артамонов. Земля родная. Стихотворения	6 50
Афиногенов (Степной), Н. Записки ополченца. Разошлось	1 25
Бакс. Парижская Коммуна	1 75
Барбюс. В огне. 3-е изд.	30 —
Барбюс, Анри. Свет. Перевод с французского К. Жихаревой	50 —
Басов-Верхоянцев. Венок. Сказки	5 —
Бебель, А. Интеллигенция и социализм	1 25
Бебель, А. Из моей жизни. Мемуары, т. I.	7 50
Его-же. Из моей жизни. Мемуары т. II, ч. I.	7 50
Его-же. Христианство и социализм	— 50
Его-же. Положение женщины в настоящем и будущем	5 —
Бедный, Д. Земля обетованная	1 20
Его-же. В огненном кольце	1 50
Его-же. Песни прошлого	3 —
Его-же. Сытый голодного не разумеет (басни)	4 50
Бессалько. Алмазы востока. Сказки. С иллюстрациями	8 —
Беллами. Равенство	— —
Бельтов, В. (Г. В. Плеханов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю	25 —
Бельше. Любовь в природе, ч. I.	— —
Бернштейн. Фердинанд Лассаль. Биографический очерк	7 —
Блосс, В. История французской революции	32 —
Богданов. Красная звезда	3 20
Богданов. Инженер Менни	7 —
Борисов, Георгий. Диктатура пролетариата. Социально-политическое обоснование	10 —
Браке. Долой социал-демократов	1 —
Браун, Лилли. Роман моей жизни, т. I.	30 —
Ее-же. Роман моей жизни, т. II.	30 —
Брусянин. В борьбе за труд	3 —
[illegible]	1 75
[illegible]	— 40
[illegible] ь России	1 80
Быстрянский. Империализм	— 35
Его-же. Пролетариат и наука	12 —
Его-же. Революция и женщина	15 —
Его-же. Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная	2 —
Его-же. Империалистическая Англия против социалистической России	— 40
Его-же. Рабоче-крестьянская революция в России в оценке буржуазной публицистики	2 —
Вандервельде. Социализм и искусство.	— 90
Ватин. Что такое коммуна? 1-е и 2-е изд.	— 20
Вейтлинг. Человечество, каково оно есть и каким должно быть	— 85
Величкина, В. Борец за свободу Вильгельм Вейтлинг	1 —
Венок коммунаров. Сборник памяти В. Володарского, с рисунками	4 —
Войнич, В. Овод. Роман. Перевод с английского З. Венгеровой	4 50
Водовозов, В. А. И. Герцен	5 —
В-ик, Л. Уголок немецкой оккупации.	— 50
Володарский, В. Напутственная речь агитаторам. 3-е издание	— 50
Его-же. Речи	15 —
Волькенштейн. Как и почему возникла Великая французская революция 1789 г.	5 50
***Враги-ли евреи рабочим и крестьянам? 1-е и 2-е изд.	— —
Гайдебуров. Театральное дело внешкольника	10 —
Волховский. Сказание о царе Симеоне.	1 25

3987 ВОЛЬ

Историко-революционная библиотека

ДБ
350
Д31

Вл. Петр. Демор

М. В. Петрашевский

(Буташевич)

183 717 м

Биографический очерк

2529

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ✻ 1920

Первая Государственная Типография.

ГЛАВА I.

Личность М. В. Петрашевского.

В жизни каждого народа мрачные эпохи абсолютизма, фатально переходящего в деспотизм, всегда порождали, как противодействующую силу, сильных духом людей, которые яркими светочами горели в тьме дикой реакции и смело, самоотверженно возвещали вечную истину идеи свободы, равенства и братства.

Один из таких людей был Михаил Васильевич Петрашевский-Буташевич, безвременно погибший в неравной борьбе за право человека в царствование Николая I и Александра II.

М. В. Петрашевский родился в С.-Петербурге 1 ноября 1821 г., воспитывался и окончил Александровский лицей, а затем поступил вольнослушателем в Спб. университет на юридический факультет и в 1841 г. получил кандидатский диплом.

Нет сомнения, что первое влияние на развитие и расширение кругозора мировоззрения М. В. Петрашевского оказал отец его, В. М. Петрашевский, один из образованнейших медиков того времени. Он с отличием окончил медико-хирургическую академию в 1809 г. и в Отечественную войну 1812 г. был уже главным доктором и хирургом при армиях кн. Багратиона и гр. Милорадовича, где и пробыл всю кампанию. Впоследствии занимал должность штадт-физика С.-Петербурга и губернии и был основателем нескольких больниц как в столице, так и в уездах.

Полный произвол неограниченного монарха и лиц, стоящих у трона, вопиющая несправедливость архаических судов, крепостное рабство крестьян, беспросветное невежество всего народа и вообще весь уклад русской жизни, такой далекой от европейских идеалов, не могли не возмущать М. В. Петрашевского до глубины его чуткой души. И мысль так или иначе изменить государственный строй России, душивший все живое, стремящееся вырваться на свободу, постепенно овладевала просвещенным умом М. В. Петрашевского. Но он прекрасно

понимал, что его личные знания совершенно недостаточны для руководительства общественным мнением, и горячо принялся за самообразование. Насколько серьезно относился Петрашевский к необходимости приобретения систематических научных знаний, видно из его собственной записки, составленной им в крепости в 1849 г. и представленной следственной комиссии: «Если бы мне захотелось приобрести известность, мне стоило только две-три статьи написать, и известность была бы приобретена, самолюбие удовлетворено... Но я сам знал, что хоть в голове у меня и есть кое-что хорошее, но не все еще в порядке, систематизировано и разрешено; от этого до 30 лет я решился ничего капитального не печатать, чтобы недостатком основательности не иметь на общество вредного влияния, а предпочел все в голове своей привести в порядок».

Один из беспристрастнейших современных ценителей М. В. Петрашевского, Д. Д. Ахшарумов, говорит о нем, что это был человек сильной души, крепкой воли, много трудившийся над самообразованием, всегда углубленный в чтение новых сочинений и неустанно деятельный. Главные науки, которые Петрашевский изучил вполне основательно, были юриспруденция, история и социалистические учения. Но, как сын врача, он интересовался и медициной. У него было не мало медицинских книг, а более по естествознанию, как, например, анатомия и «Новая система органической химии» Распайля (на французском языке).

Отложив на время свою литературную деятельность, М. В. Петрашевский решил посвятить все свое свободное время пропаганде социалистических идей. Он остановился на учении Фурье, изучил его, действительно, в совершенстве и весь отдался распространению среди всех слоев русского общества идей французского социалиста.

Необыкновенный ум, высокая образованность и даже самая чрезвычайная, эксцентричная наружность Петрашевского производили на всех сталкивавшихся с ним людей обаятельное впечатление.

Д. Д. Ахшарумов так описывает его: «Среднего роста, полный, весьма крепкого телосложения, брюнет, на одежду свою он обращал внимания мало, волосы его были часто в беспорядке. Во взоре более всего выражалась глубокая вдумчивость, презрение и едкая насмешка». Еще ярче описывает его Герцен: «Ростом ниже среднего, он был широкоплеч, с нервными руками, круглой головой, немного наклоненной в сторону, с небольшим, но правильным носом: его темно-серые глаза всегда сверкали умом; его походка и все его движения были порывисты; мечта-

тельность, dolce far niente были ему невыносимы». Даже его предатель, провокатор Антонелли, не мог не засвидетельствовать, что Петрашевский «говорит с жаром, с убеждением, скоро, но вместе с тем очень правильно: во время речи выражение его лица было, действительно, прекрасно, и, признаюсь, я невольно им любовался»...

Если отбросить сознательные и бессознательные наветы на Петрашевского людей или озлобленных на него, завидующих ему, или неспособных понять глубины его побуждений, личность Петрашевского, со слов его друзей и последователей, вырисовывается перед нами во всем блеске кристальной чистоты.

Единственный биограф Петрашевского, В. И. Семевский [1]), между прочим пишет о нем: «В сферах тайной полиции считали Петрашевского человеком чрезвычайно умным и хитрым... Что Петрашевский был умен, в этом нет никакого сомнения, но о его хитрости не может быть и речи, хотя сам себя он считал человеком весьма осторожным и проницательным: все отношения его к Антонелли показывают, что он отличался удивительною, можно сказать, слепою, детскою доверчивостью».

Герцен свидетельствует: «В глубине души Петрашевский отличался великою кротостью и испытанным терпением. Всякое противоречие со стороны людей искренних, всякую критику, как бы она ни была язвительна, он выносил без малейшего злопамятства. Никогда мысль о превосходстве над окружающими не только не сквозила в его словах, но даже не приходила ему в голову: он был слишком погружен в свои замыслы, чтобы заниматься своей личностью». Сам о себе Петрашевский в цитированной выше записке, представленной им следственной комиссии, рассказав о печальных условиях своего детства, о нелюбви к нему матери, продолжает: «В двадцать лет судьба заставила меня иметь равнодушие к жизни, свойственное старости. Не находя ничего достойным своей привязанности—ни из женщин, ни из мужчин—я обрек себя на служение человечеству, и стремление к общему благу заменило во мне эгоизм и чувство самосохранения»...

Наконец, после ареста, на следствии, Петрашевский признавал главным виновником самого себя и всячески старался защитить товарищей по заключению, выставляя их жертвами его влияния.

---

[1]) Большой материал для биографии Петрашевского доставил его племянник Влад. Петр. Демор, как упоминает о том и В. И. Семевский в своей статье: «М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири», помещенной в журнале «Голос Минувшего» ст. I за 1915 г.

Стремления Петрашевского в этот бесправный век к справедливости и правде послужили причиной обвинения его в сутяжничестве и беспокойном нраве, а некоторые считали его прямо сумасшедшим. Так, в деле офицера Кондратьева неожиданное заступничество за него Петрашевского, бывшего лишь случайным свидетелем этого дела и превратившегося в обвинителя, следственный пристав Зануцци считал плодом болезненного состояния Петрашевского, в роде мономании. «Мы видим, таким образом,—пишет В. И. Семевский,—что в эпоху гоголевского «Ревизора» бескорыстное заступничество за совершенно постороннего человека казалось объяснимым только помешательством или близкою к нему болезнью. В действительности горячее желание Петрашевского наказать Зануцци вызывалось убеждением, что нужно поражать власть и выставлять все ее неправильные действия. Это, конечно, должно было казаться еще более ненормальным».

Герцен, такой же социалист, как и Петрашевский, а потому понимающий его идеальные стремления, так оценивает его: «Если Барбье, говоря *о святой черни* (Sainte canaille), разумел при этом величественную простоту, чистоту побуждений в действиях, смелую последовательность, отсутствие всякой хитрости, всякой задней мысли и личного тщеславия,—качества, которые, к несчастью, встречаешь в наше время только среди людей из народа и лишь как редкие исключения—в других классах общества, то Петрашевского можно без всякого преувеличения считать святым».

Горячая любовь к человеку, глубокая убежденность, что борьба за человеческие права и свободу составляет долг истинного гражданина, открытая ненависть к произволу власти и попранию ею человеческого достоинства, высокие социалистические идеалы—вот те основные черты личности Петрашевского, за которые он так много выстрадал в своей недолговечной жизни и которые имели *огромное значение в истории русского революционного движения.*

ГЛАВА II.

Деятельность Петрашевского в сфере пропаганды социалистических идей.

Вскоре после окончания университета М. В. Петрашевский, углубясь в изучение социалистических учений европейских мыслителей и невольно сопоставляя им кромешную тьму русской жизни 40-х годов, постепенно пришел к решению посвятить себя борьбе с произволом верховной власти путем пропаганды социа-

листических идей. Мы уже говорили выше, что Петрашевский остановился на учении Фурье и стал его убежденным сторонником. С целью пропаганды фурьеризма, Петрашевский в 1845 г. назначил у себя званые вечера раз в неделю, по столь знаменитым впоследствии пятницам. На эти вечера собирались близкие знакомые Петрашевского [1]), преимущественно из молодежи, и начинались оживленные беседы на различные темы, главным образом литературного и социалистического характера. По свидетельству Барановского, служившего тогда в сенате и познакомившегося с Петрашевским осенью 1845 г. у проф. Казанского университета Ратовского, на этих первых пятницах бывали: А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков, Вал. Н. Майков, Р. Штрандман, студенты С.-Петербургского университета В. А. Милютин, А. В. Ханыков, Баласогло (Балас-Оглу), товарищ Петрашевского по службе в министерстве иностранных дел Е. С. Есаков, Кайданов и др. Разговор шел чаще всего о каком-нибудь литературном или ученом произведении, завязывались споры по вопросам политической экономии. Петрашевский говорил о системе Фурье, развивал ее и доказывал ее преимущества. Многие из присутствовавших тогда же усваивали это учение и соглашались с мнением о нем Петрашевского.

Зимою 1846—1847 г.г. на пятницы явились новые лица— Ф. М. Достоевский, Ап. Н. Майков, Ольдекоп, Чириков, П. Деев. Темы бесед стали разнообразнее. Касались даже вопросов магнитизма и мистицизма, защитником которых явился Ольдекоп. Петрашевский относился отрицательно к всяким метафизическим тенденциям и говорил более всего о преимуществах публичного производства суда.

К весне 1847 г. состав кружка Петрашевского несколько изменился: перестали бывать Милютин, Штрандман, Салтыков и Есаков, а зимой 1847—1848 г.г. образовался следующий: из прежних посетителей бывали: Достоевский, Плещеев, Баласогло, Чириков и Ханыков, а из новых лиц стали бывать: Н. А. Спешнев, богатый русский помещик, живший несколько лет за границей, человек широко образованный, последователь чистого коммунизма, затем писатели—С. Ф. Дуров и А. И. Пальм, два брата Дебу, Кузьмин, А. Модерский.

С появлением Спешнева компания кружка разделилась, и он вместе с Дебу I и Баласогло, обыкновенно, уходили в кабинет

---

[1]) Петрашевский в это время жил в Петербурге, в Коломне, в доме матери, на углу Лермонтовского (бывшая Могилевская ул.) и Канонерской ул., занимал 2-й этаж флигеля, выходящего на Канонерскую ул. В этой же квартире он был и арестован.

Петрашевского и вели отдельные беседы о коммунизме, в то время как среди оставшихся главная тема была фурьеризм.

К числу довольно ранних знакомых Петрашевского принадлежал еще Н. Я. Данилевский, известный впоследствии автор книги «Россия и Европа» и «националист». Как знаток учения Фурье, он охотно посещал Петрашевского не только по пятницам, но и в другие дни, причем разговор между ними шел о значении фурьеризма и других современных социалистических учениях.

Из всех посетителей Петрашевского первый, воспринявший под его влиянием учение Фурье, был Ханыков. Он серьезно изучил фурьеризм и считался впоследствии знатоком его. Но наиболее преданным Петрашевскому и высоко ценившим его дружбу был Баласогло, который уже впоследствии, будучи в крепости, говорил о нем в своих показаниях: «Когда по случаю западных происшествий (февральская революция) цензура всей своей массой обрушилась на русскую литературу и, так сказать, весь литературно-либеральный город прекратил по домам положенные дни, один Петрашевский нимало не поколебался принимать у себя своих друзей и коротких знакомых; это обстоятельство, признаюсь, привязало меня к нему навеки. Он, как и все его гости, очень хорошо знал, что правительство, внимая чьим бы то ни было ябедам, во всякую минуту могло схватить, так сказать, весь его вечер и начать розыски,—и не смутился духом; следовательно, его совесть была спокойна; следовательно, он готов был дать отчет во всех своих действиях во всякую минуту; следовательно, он веровал в то, что исповедывал». «Я... был восхищен этим решительным признаком души благородной»...

Не признавая достаточным ограничиться проведением своих идей в кругу одних знакомых, Петрашевский задумал составить маленькую энциклопедию в форме словаря иностранных слов. И вот в апреле 1845 г. вышла в свет книга под заглавием «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым». Это был первый выпуск его. Некоторые думают, что Н. Кириллов—псевдоним Петрашевского; между тем это лицо действительно существовало: Ник. Серг. Кириллов, штабс-капитан гвардейской артиллерии. Но это предположение указывает только, какую доминирующую роль играл Петрашевский в составлении «Карманного словаря». Верный своим благородным принципам, Петрашевский, чтобы избавить Кириллова от ответственности, написал ему письмо, которое, в случае нужды, тот мог показать и которое его, Кириллова, совершенно отстранило от дела и ответственности за него.

На обертке словаря было помечено: «Несколько слов от издателя», с заявлением, что словарь «не что иное, как краткая энциклопедия искусств и наук или, вернее сказать, краткая энциклопедия понятий, вынесенных к нам европейской образованностью».

Кроме Петрашевского, в составлении первого выпуска принимали участие известный критик Вал. Н. Майков, его приятель Р. Р. Штрандман и нек. др.

Более замечателен второй выпуск, напечатанный в следующем году, в котором яснее раскрывались взгляды его составителей: тут уже прямо делались ссылки на соч. Оуэна, Сен-Симона, Фурье, Кабэ, Прудона и др. В составлении этого второго выпуска Петрашевский принимал еще большее участие, хотя определить с точностью, какие именно статьи принадлежат Петрашевскому, весьма трудно, так как рукописи не сохранились, за исключением двух: «обскурантизм» и «ораторство», написанных его рукой. Из них более интересна, в смысле выяснения миросозерцания Петрашевского, вторая. В ней он говорит:

«Человеку, взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, но *все возможно* совершить *в обществе и обществом*... Для него всегда труд уединенный и однообразный, не определенный *природным влечением*, будет всегда тяжкой казнью, и великая нравственная сила потребна, дабы не пасть под ее гнетом»...

«Смешон,—продолжает Петрашевский,—в глазах всякого истинно мыслящего человека укор в бесталантливости там, где была бы жалкая посредственность законодательницей и где самая талантливость являлась бы чем-то враждебным духу тамошних общественных учреждений. Не странно ли там искать ума, общечеловеческих полезных открытий, усовершенствований и изобретений, где всякое обнаружение разумности, всякое нововведение было бы чем-то противозаконным, безнравственным.... где общественное судилище есть не иное что, как охранительное учреждение для всякой неправды... Где однообразие, монотонность, безмыслие и бессмыслие—закон общественной жизни... как это и есть в Турции или Китае. Тут странно было бы искать образцов красноречия». И далее Петрашевский, под предлогом указания условий для совершенствования ораторского искусства, смело набрасывает программу политических реформ: «Полное, нестесняемое никакими общественными учреждениями развитие индивидуальности, признание не силы, но разумности началом управительным в обществе, законом положительным, обычаем, упроченное разными охранительными политическими учреждениями; обеспечение свободы мысли, чув-

ства и их *внешнего публичного обнаружения*, ясное сознание как своих частных, так и общественных интересов, поддерживаемое публичностью всех общественных и административных отправлений,—вот главные условия, без бытия которых развитие ораторства делается невозможным»... Но даже и при этом «явление образцов ораторского искусства не повседневно», и автор убежден, что «явление оратора-глашатая истины и нужд общественных, возбуждающего сочувствие в своих слушателях», возможно «только в часы великих потрясений, переворотов, торжеств или бедствий общественных... Вот почему во Франции среди Национального и Законодательного Собрания мы видим возрождение волшебного действия человеческого слова».

Судя по этим статьям Петрашевского, конечно, нет ничего мудреного, что составителям словаря не удалось довести его до конца (прервано на букв. *орд.*). Прежде всего пострадал цензор Крылов, которому был сделан строгий выговор. Второй выпуск, по распоряжению цензурного комитета, в продажу не был допущен, а первый отбирали в 1846 г. у книгопродавцев и уничтожали, но, вероятно, уничтожить все экземпляры не удалось, так как в 1849 г. в ноябре известный бутурлинский комитет предлагал «извлечь из продажи» эту книгу; но Николай I приказал тогда: «не отбирая экземпляров словаря, чтобы через то не возбудить любопытства, стараться откупить их партикулярным образом». Так неудачно окончились попытки Петрашевского провести в общество свои идеи посредством печатного слова. *Полные экземпляры I и II выпусков имеются только в Публичной Библиотеке.*

Пока пятницы Петрашевского носили характер обыкновенных вечеров, полиция, несмотря на то, что в 1844 г. Петрашевский уже подвергался ее надзору, не обращала на них особого внимания. Но дело приняло совсем иной оборот, когда Петрашевский решился на активные выступления.

В феврале 1848 г. до правительства дошел слух, что какая-то литографированная записка ходит по рукам дворян Петербургской губернии. Министр внутренних дел тотчас же поручил состоявшему при нем чиновнику особых поручений И. П. Липранди достать экземпляр ее, что и было исполнено. Записка эта носила заглавие «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений» и была подписана: «Дворянин С.-Петербургской губернии, землевладелец и избиратель М. Буташевич-Петрашевский».

В записке этой, для поднятия ценности дворянских имений, предлагалось предоставить купцам право приобретения населенных земель, наравне с дворянами, и участия с правом голоса в

дворянских собраниях по делам, относящимся до обоих сословий, как землевладельцев. Если прибавить к этому еще два пункта, а именно: 1) предоставление крестьянам права выкупаться на волю за определенную сумму и 2) улучшение форм судопроизводства и надзора за административными властями, то вот и все, что могло обратить на себя внимание властей, так как остальные пункты, изложенные в записке, имеют преимущественно характер деталей. Несмотря на всю безобидность записки, она была причиной начала злоключений Петрашевского. Правительство усмотрело почему-то, что автор записки находит необходимым «поколебать существующий порядок вещей», предлагая «преобразования и нововведения, вовсе не подлежащие обсуждению частных лиц», и, наконец, договорилось до того, что содержание записки «ясно обнаруживает цель автора: посеять, волею или неволею, свои идеи в тех, которые вдадутся в обман заглавием и прочитают ее». Таким образом Петрашевский сразу стал опасным человеком, и в феврале же месяце 1848 г. III отделение е. в. канцелярии обратило внимание на то, что у Петрашевского, которого характеризовали как «приверженца коммунизма и других новых идей», каждую пятницу собираются «лицеисты, правоведы и студенты университета».

Конечно, тотчас же велено было «узнать, какого он поведения и образа мыслей». Однако, на этот раз все обошлось благополучно, и «ничего предосудительного» за Петрашевским обнаружено не было.

С осени 1848 г. пятницы Петрашевского приняли иную форму, и, по свидетельству Барановского, разговоры получили характер каких-то речей. Впрочем, еще весной того же года на пятницах Петрашевского было сделано Данилевским изложение учения Фурье. После Данилевского Спешнев прочел трактат «Об атеизме». В это же время к кружку Петрашевского присоединились новые лица: Ястржембский, дворянин Минской губ., служивший помощником инспектора Технологического института и преподававший в нем политическую экономию, а также бывший учитель в дворянском полку и институте корпуса инженеров путей сообщения, Момбелли, поручик л.-гв. егерского полка, Ф. Н. Львов, поручик того же полка, и П. И. Ламанский [1]), служивший в департаменте внешней торговли, и нек. др.

Из них Ястржембский на пятницах объяснял основные начала политической экономии, а Ф. Н. Львов—о специальном и энциклопедическом образовании и доказывал необходимость

---

[1]) Брат Е. И. Ламанского—б. управляющ. государственным банком.

первого. Затем появился еще К. И. Тимковский, лейтенант в отставке, прочитавший также на 2—3 вечерах о фурьеризме, хотя, как заметил Петрашевский, в существенных чертах отклонялся в сторону коммунизма. Тимковский своей резкостью суждений, высокомерием и невоздержностью внес некоторый диссонанс в мирный кружок Петрашевского. Тем не менее вечера продолжались и все более и более становились популярными в Петербурге. Такая широкая популярность вечеров Петрашевского, проникшая во все слои петербургского интеллигентного общества, не могла не обратить внимания начальства, зорко следящего за искоренением «вольнодумства» вообще.

И вот, около 10 марта 1848 г. было установлено наблюдение за Петрашевским, порученное д. с. с. Липранди. Установив без особых затруднений существование пятниц Петрашевского, Липранди, по приказанию свыше, стал подыскивать подходящего агента-провокатора, чтобы ввести его в кружок Петрашевского. Таковой скоро нашелся в лице П. Д. Антонелли, сына художника, академика живописи. П. Д. Антонелли родился в 1825 г., посредственно окончил курс 3-й классической гимназии в 1844 г. и поступил на филологический факультет Петербургского университета, по разряду восточной словесности. Под влиянием и усиленными уговорами Липранди Антонелли бросил университет и решился на гнусное дело провокатора. Начали с того, что определили Антонелли в тот же департамент, где служил Петрашевский, и ему вскоре удалось с ним познакомиться.

План действий Антонелли был обдуман тонко. Согласно данных ему наставлений, Антонелли сначала выказал недоверие к Петрашевскому, дав ему понять, что в обществе считают провокатором самого Петрашевского. Последовавшее затем объяснение сблизило их, и Петрашевский, по свойственной ему доверчивости, стал беседовать с «молодым человеком» вполне откровенно. Тогда этому молодому человеку было приказано всякий раз сообщать письменно сущность их разговора, не упуская ни одной мысли, ни одного сколько-нибудь важного слова. И Антонелли принялся за работу.

С января 1849 г. начинаются его письменные донесения, где он называет Петрашевского «известным лицом» и в первых же доносах выясняет, что Петрашевский думает не только о социальных преобразованиях, но и о необходимости изменения государственного строя и составления с этой целью тайного общества. И действительно, Петрашевский совершенно откровенно раскрыл Антонелли свою душу и подробно развил план действий для свержения в России деспотического образа правления. Вместе

с тем Петрашевский горячо принялся за «просвещение» Антонелли. Он давал ему соответствующие книги и между прочим «Dictionnaire politique», издание Duclere и Pagnerre, в котором он подчеркнул 134 слова с собственными примечаниями, и поручил Антонелли перевести их с комментариями, применительно «к нашему быту». Все эти примечания, конечно, были доложены кому следует. И вместе с тем столь необычные старания чистого душой Петрашевского развить Антонелли и дополнить его образование последний, со своей шпионской точки зрения, объяснил, как говорит В. И. Семевский, желанием «иметь у себя рассуждения, писанные рукой Антонелли», для того, чтобы «он мог и его самого держать в своих руках, смело ознакомить со своими единомышленниками и ввести в общество». И такому человеку Петрашевский со всем пылом убеждения исповедывал свое credo! Он говорил ему:

«Одно правительство республиканское, представительное достойно человека, потому что и неприлично и смешно существу, одаренному и разумом, и волею, и самопознанием, подчинять и тело свое и душевные способности произволу другого существа, отличающегося от него только самопроизвольным деспотизмом. Всякий народ должен управляться сам собою, быть сам властелином, а не подчинять себя власти... Где может быть хуже, неправильнее и утомительнее нашего судопроизводства? Суждение дел непременно должно быть публичное, через присяжных... Где законы больше сбивчивы, бестолковы, противоречащи, как не у нас? Да и, в самом деле, как может составить человек, принадлежащий совершенно к другому классу, закон для людей, которых ни нужд, ни понятий, ни характера он не понимает, да и понять не заботится. Из этого вы видите, что перемена правительства нужна, необходима для нас, но переменить его нужно не вдруг, но действуя исподволь, приготовляя как можно остроумнее и вернее средство к восстанию таким образом, чтобы идея о перемене правительства не заронилась бы в головы двум, трем, десяти лицам, но утвердилась бы в массах народа, и казалась бы не внушенной, а естественно рожденной по положению дел»...

Все эти задушевные речи предатель не преминул записать и передать по назначению. А Петрашевский, ничего не подозревая, продолжал запутываться в паутине провокатора. Случайно увидев, что Антонелли, встретившись с некоторыми из знакомых ему черкесов, дружески говорил с ними, Петрашевский задумал воспользоваться этим и предложил Антонелли начать среди них пропаганду. Он дал ему словесное наставление и поручил составить записку с изложением общей идеи. Когда Антонелли принес ему черновик записки и просил Петрашевского исправить

ее, он все же, из осторожности, стал диктовать исправления, которые Антонелли тут же и сделал своей рукой. Более того, Петрашевский советовал Антонелли «заставлять черкесов списывать своею рукою по частям, чтобы сам Антонелли не мог быть компрометирован». «Нужно только,—говорил он,—заронить в их головы эту идею, а там она сама расцветет и созреет». Эта записка попала, конечно, не к черкесам, а к д. с. с. Липранди.

Чрезвычайный интерес для нас имеет самый проект Петрашевского устройства будущего управления на Кавказе. Он говорит: «Верховное правление народа должно быть предоставлено *совету*, составленному из представителей племен под председательством одного, избранного из их же среды по большинству голосов... Совету предоставляется право заботиться о благах и нуждах целого народа, рассуждать о законах, о содержании войска, о мире и войне и, наконец, о всем, что касалось бы до общего интереса всех племен вообще»...

«Главная цель совета—стремиться, по возможности, вводить везде единообразные узаконения... Внутреннее же управление каждого племени особенно должно быть семейное, домашнее и основываться на законах, обычаях и нравах народа, его составляющего. Они также должны состоять из совета представителей каждого отдельного класса людей по выбору, и ему предоставляется власть судейская и исполнительная. Судопроизводство должно производиться публично через присяжных, основываясь на здравом смысле законов и обычаев страны. Духовному классу предоставляется право заниматься делами, до религии только касающимися, отнюдь не вмешиваясь в гражданское управление»...

В это же время, в январе 1849 г., Петрашевский сказал Антонелли свои пророческие для нашего времени слова:

«Целость России поддерживается только военною силою; и когда эта сила уничтожится или, по крайней мере, ослабеет,— все народы, составляющие Россию, разделятся на отдельные племена, и тогда Россия будет собою представлять нынешние Соединенные Штаты Северной Америки».

Когда Антонелли спросил Петрашевского, не имеет ли он поддержки в Финляндии, Петрашевский ответил: «*Интересы Финляндии совершенно отделены от наших интересов: она пользуется особыми правами, управляется собственными узаконениями и при каком-нибудь движении у нас сама, без поощрения, будет помогать нашим интересам, стараясь отделиться и составить отдельное племя*».

Пропаганду среди войск Петрашевский, со свойственным ему трезвым на все взглядом, считал, *при нашей дисциплине*,

невозможной и опасной, в виду крайней умственной темноты среди солдат, да и большинства офицеров. Наоборот, пропаганда чрез учителей была одною из любимых идей Петрашевского.

О III отделении Петрашевский выразился так: «Подобное правительственное учреждение существует только в России и, как две капли воды, сходно с орденом иезуитов, вооружая брата на брата, отца на сына, сына на отца. Это и тому подобные учреждения сделаны для того, чтобы подавить все умственное развитие и тем охранить монархическую власть. Подобные учреждения не только подлость, но даже святотатство, потому что они развращают нравственность человека». Эти слова сказаны Антонелли; и интересно было бы знать, шевельнулась ли в то время черная совесть предателя?..

«Петрашевский,—говорит В. И. Семевский,—видимо, мечтал о революции в России, но думал, что она возможна лишь после продолжительной и обширной пропаганды». Крайне интересно для нас мнение Петрашевского о Москве. Он говорил: «Жители Москвы придерживаются старинных поверий и обычаев, но со всем этим Москва не лишена важного значения, как сердцевина всех сект и расколов, и там, действительно, есть много людей с истинно человеческими понятиями; но... лучшее место для всех предприятий—Петербург; *и если здесь что-нибудь произойдет, то оно отзовется тотчас же сначала в Москве*, а потом и во всех концах России, особенно же в Малороссии»...

Петрашевский хорошо знал, что за ним следит тайная полиция, и часто говорил Антонелли, что «вовсе не старается быть героем какого-нибудь переворота, напротив, готов пожертвовать собой, но с условием, чтобы только укоренились его идеи». Что Петрашевский не сомневался в предстоящей ему участи, что он сознательно жертвовал собою ради пропаганды своих идей в обществе, видно из следующих слов его в записке, представленной им следственной комиссии: «Не раз говорил я моим знакомым... что тайная полиция давно уже на меня пристально смотрит, что, правый или виноватый, я должен ждать первый от нее захвата и что их может постигнуть та же участь. Но потребность разумной беседы была так сильна, что заставляла пренебрегать этим, и они теперь делят со мною неприятность заключения. Вот торжество духа над материей!»...

Между тем пятницы Петрашевского продолжались своим чередом, и на последние из них сумел проникнуть и гнусный агент Антонелли, хотя Петрашевский и не приглашал его. На этих пятницах Петрашевский высказал свой определенный взгляд на реформы первой необходимости для России: суд присяжных, освобождение крестьян и свободу печати и слова. При этом

Петрашевский указывал, что из этих реформ первою должна быть проведена судебная реформа, исходя из тех соображений, что достигнуть улучшения судопроизводства гораздо легче, чем осуществления крестьянской реформы, так как «действовать тут возможно и должно законным образом; не надо требовать от правительства, но, напротив, некоторым представителям сословия всеподданнейше просить».

На одной из этих пятниц было прочитано Ф. М. Достоевским знаменитое письмо Белинского Гоголю по поводу его «Переписки с друзьями». Письмо это вызвало общий восторг, и все общество было как бы наэлектризовано.

Последняя пятница Петрашевского была 22 апреля 1849 г. Кроме пропаганды социалистических идей словом, Петрашевский осуществлял ее также посредством литературы и с этой целью выписывал множество книг лично для своей библиотеки и для учрежденной им библиотеки вскладчину в своем кружке. Об этом Д. Д. Ахшарумов в своих печатных воспоминаниях о Петрашевском говорит: «Он имел большую библиотеку новейших сочинений, преимущественно по части истории политической экономии и социальных наук, и охотно делился ею не только со всеми старыми своими приятелями, но и с людьми, ему мало знакомыми, но которые казались ему порядочными; и делал это по убеждению, для общественной пользы». Несомненно, что, благодаря обширности библиотеки Петрашевского, чтение книг имело большое значение в деле распространения в обществе социалистических идей. Это подтверждает тот же Ахшарумов, который в своем показании, между прочим, говорит: «Выписывать как можно больше книг и раздавать читать было первым и самым важным средством Петрашевского». «Книги переходили из рук в руки, и таким образом затеяна была пропаганда» посредством чтения. «Книги читались охотно, и это более, нежели что-нибудь другое, имело влияние. Книг у него было много по разнообразным предметам, и всякий находил по своему вкусу»...

Будучи убежденным фурьеристом, Петрашевский сделал в 1847 г. попытку применить идеи Фурье в своем имении Ново-Ладожского уезда, Масельской волости. Однако, попытка эта окончилась весьма печально. Петрашевский долго разъяснял крестьянам смысл фаланстера; и, надеясь на то, что они впоследствии на деле оценят его заботы, приступил к организации фаланстера. Он выбрал место в лесу, и к зиме первый в России фаланстер Фурье был готов. Накануне переезда крестьян Петрашевский,—рассказывает в своих воспоминаниях В. Р. Зотов,—«еще раз обошел с ними всю постройку, назначил каждой семье ее помещение, указал на все его удобства, выгоды, передал

всю утварь, которую закупил для них, все инструменты, велел перевести с утра скот и лошадей в новые хлева и конюшни, перенести весь скарб и запасы в амбары». Когда на другое утро он приехал к ним на новоселье, из дома лесничего, то на месте фаланстера нашел одни обгорелые балки: в ночь крестьяне сожгли его со всем, что было выстроено и куплено для них. «Петрашевский рассказывал об этом Зотову с величайшей горечью и глубоким разочарованием»;—добавляет В. И. Семевский.

Около 20-х чисел апреля 1849 г. в обществе уже ходили слухи о возможности ареста Петрашевского и «петрашевцев». Но никто из них, к сожалению, не придал значения этим слухам. Между тем, 21 апреля шеф жандармов гр. Орлов подал Николаю I доклад «о чиновнике Буташевиче-Петрашевском и его сообщниках», в котором он, изложив вкратце «историю» организации Петрашевским «преступного» общества, предложил арестовать 33 члена этого общества по списку, доставленному агентом Антонелли, и, кроме того, причастных к этому делу: табачного торговца П. Г. Шапошникова, студента Толстова, литератора Катенева, П. Г. Данилевского, Б. Утина, шт.-кап. Кузьмина и учителя Белецкого, всего 40 человек, с прибавлением трех агентов—Антонелли, В. Шапошникова и Наумова, с тем, чтобы шесть офицеров и трех агентов поместить в III отделении, а остальных—в Петропавловской крепости. Арест предлагалось начать с пятницы в полночь с 22 на 23 апреля, когда у Петрашевского должно состояться собрание. Николай I немедленно утвердил доклад Орлова, и участь Петрашевского и его последователей была решена.

Для расследования дела петрашевцев была назначена следственная комиссия из следующих лиц: председателем ее был комендант крепости г.-ад. Набоков, членами: д. т. с. член государственного совета кн. П. П. Гагарин, товарищ военного министра г.-ад. кн. В. А. Долгоруков, знаменитый начальник штаба корпуса жандармов г.-л. Л. В. Дубельт и начальник военно-учебных заведений г.-ад. Я. И. Ростовцев.

После двухмесячного следствия, весь процесс которого сильно напоминал инквизиторский, только без пыток, Петрашевский, державшийся все время с большой смелостью и достоинством, не выдержал и серьезно заболел психическим расстройством.

На этом следствии выяснилось все благородство его души, глубина его ума и образования. Все первые его показания блещут умом, сарказмом, знанием русской жизни, такой печальной в его время, смелой правдивостью, не раз смущавшей следователей. Но система следствия, жестокость и черствость следова-

телей довели и без того измученного Петрашевского до невыносимых страданий души и сердца. В записке его 3 июля читаем потрясающие строки:

«Прихожу после допроса в каземат... Ночь ужасных для меня борений настает. Картина дела представляется мне во всей ужасающей полноте. Я вижу гибель совершенно невинных... Тысяча мыслей пробегают в моей голове. Ужас обнимает душу,— вижу жертвы коварства... Поутру меня начинает одолевать волнение. Мне, как арестанту, кто подаст помощь. Меня ужасать начинает и бесполезность моей гибели и возможность тоже гибели других. Ибо вся цель моя была, чтобы сделано было переисследование дела, чтобы из невинных ни один не пострадал... Зовут в комиссию, и пред нею я выражаю те чувства, которые меня целую ночь волновали... Начинаю говорить, велят написать. Пишу, читаю писанное, плачу невольно, плачу после девятнадцати лет бесслезных... Да, я плакал в этом деле о русской образованности»...

В последней записке, писанной уже, судя по ее бессвязности, в ненормальном состоянии, проявляется, однако, все та же благородная скорбь о других. Касаясь клеветы провокаторов и прося об оправдании, он пишет: «Вся история провокации, если нужно, будет ото всех тайной глубокой. Я клянусь сохранить ее всем дорогим сердцу, *но не губите невинных. Пусть меня одного постигнет кара законов.* Пусть не будет стыдно земле русской, что у нас, как за границей, стали являться agent provokateur. Если мне не суждено было быть полезным человеку, то да будет мое самопожертвование, вольное самозаклание, полезно для отечества»...

Вскоре после этого Петрашевский впал в сильное нервное расстройство и был близок к помешательству.

Между тем, следствие было закончено, и, по повелению Николая I, были преданы военному суду по полевому уголовному уложению 23 человека, для чего составлена была военно-судная комиссия, под председательством Перовского, из трех асессоров военных—ген.-ад. гр. А. Г. Строганова 2, Н. Н. Анненкова 2 и Толстого и трех гражданского звания—сенаторов кн. Лобанова-Ростовского, Веймарна и Дурасова.

16 ноября военный суд закончил свою деятельность и приговорил 15 человек к смертной казни, пять к каторжной работе от 4 до 6 лет, одного к поселению и одного (Черносвитова) оставил в сильном подозрении. Последний из обвиняемых сошел с ума.

Жестокий приговор военного суда,—говорит В. И. Семевский,—настолько не соответствовал обстоятельствам дела петра-

шевцев, что он, вероятно, объясняется необходимостью для членов суда считаться с волею монарха. И действительно, по исследованиям Герцена, первоначальный приговор комиссии военного суда ограничивался ссылкой обвиняемых на поселение. Но Николай I «разгневался» и дал понять, что «суд обязан постановить приговор по всей строгости закона» и что только он один, «царь», может взвесить смягчающие обстоятельства. После такого внушения приговор, конечно, был изменен... Одна из красот неограниченного самодержавия...

Приговор этот был представлен, согласно ходатайству генерал-аудиториата, на «благоусмотрение» Николая I, который заменил смертную казнь ссылкой в каторжную работу на разные сроки, причем Петрашевского—с лишением всех прав состояния и без срока. Но об этом «милосердии» царя не было объявлено ни одному из обвиняемых, и исполнение приговора последовало 22 декабря на Семеновском плацу, в присутствии около 3.000 человек. Гнусная комедия помилования была проделана, как описывает Д. Д. Ахшарумов, таким образом:

На осужденных к смертной казни надели белые холщевые саваны с капюшоном и длинными рукавами. Священник сказал им краткое напутственное слово в загробную жизнь и дал всем поцеловать крест. Затем Петрашевского, Момбелли и Григорьева свели с эшафота, подвели к серым столбам, вбитым в землю, и, завязав «преступникам» глаза, привязали к столбам. Капюшоны были надвинуты им на глаза, раздалась команда, солдаты прицелились; но раздался барабанный бой, и приехавший флигель-адъютант объявил помилование. Далее Петрашевского переодели в грязный тулуп, валенки, арестантскую шапку, заковали в кандалы, причем он сам помогал кузнецам заковывать, и приказали сесть в подъехавшую кибитку, запряженную в тройку. Но Петрашевский сказал: «Я еще не окончил все дела», и с этими словами обошел всех обвиненных, каждого поцеловал, поклонился всем еще раз и сел в кибитку; рядом с ним поместился фельдъегерь, а на козлах, вместе с ямщиком, вооруженный жандарм, и тройка умчалась.

Просматривая деятельность М. В. Петрашевского и всю его такую короткую жизнь на свободе (он был сослан 28 лет), испытываешь глубокое возмущение от жестокой, слепой ненависти самодержавной власти, деспотизм которой не имел пределов, ко всему светлому, чистому и просвещенному в России. Правда, Петрашевский, по силе своей личности, был весьма

*

«опасным» человеком для самодержавного властелина, каким был Николай I. Недаром рассказывали, что, когда арестовали Петрашевского и петрашевцев, этот царь перекрестился и воскликнул: «Слава Богу! Россия спасена». Но весь процесс следствия, отношение к Петрашевскому следователей и, наконец, жестокий приговор только, в сущности, «за покушение к восстанию»—были прямо издевательством над личностью Петрашевского и полны ненависти к нему. Жалкие посредственности, какими было в то время большинство «высокопоставленных» лиц, не могли переносить умственного превосходства какого-то мелкого чиновника и ту правду, которую он бросал им в глаза на следствии.

И эти озлобленные глупцы, во главе с напуганным самодержцем, отняли у России человека светлого ума и с чистой, благородной душой.

ГЛАВА III.

Петрашевский в Сибири.

До Тобольска Петрашевский перенес, вместе с петрашевцами Н. А. Момбелли, Н. П. Григорьевым, Ф. Н. Львовым, Н. А. Спешневым, С. Ф. Дуровым, Ф. М. Достоевским, И. Ястржембским и Ф. Г. Толлем, все ужасы переезда в Сибирь в качестве каторжника. Петрашевский в письме к матери пишет:

«Не дай Бог терпеть лихому татарину, что потерпел я проездом, не отдыхая ни часу в течение 11-дневного пути с курьером из Петербурга в Тобольск»...

В Тобольске заключенных в пересыльную тюрьму петрашевцев взяли под свое покровительство жены декабристов—Муравьева, Анненкова с дочерью и Фонвизина. Они заботились о вновь прибывших, как о родных, присылали им обильную пищу, одежду, утешали и ободряли их.

Далее Петрашевский, Спешнев, Львов и Григорьев, назначенные в Восточную Сибирь, шли пешком в одной партии. В Иркутске генерал-губернатор гр. Н. Н. Муравьев-Амурский отнесся к прибывшим петрашевцам довольно милостиво и даже прислал им, по просьбе Спешнева, несколько бутылок лафита.

Далее, до Иркутска, а затем до Шилкинского завода, куда были назначены Петрашевский и Львов, прошли тоже пешком.

Жизнь на Шилкинском заводе (конечно, относительно) была в течение первых 3-х лет довольно сносна. По крайней мере, командированный в 1852 г. по делам службы моряк Сгибнев рассказывал впоследствии, что на Шилкинском заводе он

встретил «государственных преступников» Петрашевского и Львова. Оба они, по его словам, «считались только в работах. но жили на свободе, нанимали маленькую квартиру, нуждались в средствах к жизни и жили уединенно». К этому Сгибнев добавляет, что Петрашевский был человек энциклопедически образованный, но «беспокойного характера». «Последнее мнение навеяно, очевидно, местными чиновниками», замечает его биограф В. Семевский.

С переходом Шилкинского завода в ведение управляющего Карийскими промыслами, известного Разгильдеева, жизнь Петрашевского и Львова стала настолько тяжелой, что они ходатайствовали о переводе их в Александровский завод, куда и был переведен Петрашевский, а Львов—в Нерчинский завод.

Петрашевский в это время сильно нуждался, ему пришлось даже пройти пешком в Александровский завод. Никто из родных не посылал ему ни гроша.

В Александровском заводе Петрашевский встретил своих товарищей по ссылке—Спешнева, Момбелли и Григорьева. Совместно с ними Петрашевский устроил школу для детей обоего пола, которая пользовалась большой популярностью среди местного общества.

В воспоминаниях Н. С. Боголюбского, сына протоиерея в Нерчинском заводе, имеются не лишенные интереса сведения о Петрашевском. Нуждаясь в учителе для сына и двух дочерей,—рассказывает Н. С. Боголюбский,—отец его «сперва написал ему и просил его приехать в Нерчинский завод... а затем летом 1856 г. сам приехал к нему». Дело устроилось только осенью того же года, и Петрашевский, переехав в Нерчинский завод, стал заниматься с детьми Боголюбского, преподавая им русский, французский и немецкий языки, арифметику и географию. Кроме того, готовившемуся в гимназию сыну Боголюбского он преподавал латинский язык по грамматике Кошанского, бывшего учителя самого Петрашевского. Об его уроках Н. С. Боголюбский резюмирует: «Вообще видно было, что Петрашевский вовсе не имел склонности к педагогической деятельности, и если занимался ею, то лишь по необходимости, чтобы иметь средства к жизни»...

Убеждение, что за свои права необходимо бороться законными способами, которое Петрашевский исповедывал еще живя в Петербурге, он не изменял и в Сибири. Толчком для подачи первого прошения послужил манифест 27 марта 1855 г., по которому, между прочим, таким «преступникам», каким был Петрашевский, предоставлялось право, при нежелании воспользоваться манифестом, просить о рассмотрении дела его на закон-

ном основании. И в 1855 г. 27 сентября Петрашевский, живший тогда в Александровском заводе, подал первое прошение помощнику управителя Константиновской дистанции в департамент сената. В прошении этом широко осведомленный юрист Петрашевский просит приговор, состоявшийся в 1849 г., признать недействительным, на основании исключительно одних процессуальных несоблюдений закона, т.-е. применительно к современной терминологии—кассационных данных.

Прошение попало в Нерчинское горное правление, которое не отослало его в сенат, а возвратило Петрашевскому, так как, по мнению правления, оно подано «не по принадлежности». Петрашевский, конечно, не остановился на этом, не такой он был человек, и 19 декабря 1855 г. представил в Нерчинское горное правление для передачи в сенат второе прошение, почти одинакового содержания с первым. В марте 1856 г. Петрашевский узнал, что и это прошение осталось без движения. Но он не унывал. 20 февраля 1856 г. им подано было дополнительное прошение, адресованное в правительствующий сенат, где он вновь подчеркивает, что его прошение заключается только в жалобе на несоблюдение форм, правил и обрядов судопроизводства, законами установленных.

Пройдя всевозможные этапы, препятствия и задержки, прошения Петрашевского попадают, наконец, в руки к ген. Венцелю, председательствующему в совете главного управления Восточной Сибири, которому, узнав об этом, Петрашевский не замедлил послать письмо. Результатом было то, что Венцель запросил Нерчинское горное начальство, на каком основании оно дозволило себе принимать жалобы Петрашевского на высочайше утвержденную конфирмацию о нем. А когда Венцель получил от Петрашевского новое прошение, он уже прямо запрашивает: «В каком положении здоровья находится Петрашевский по умственным своим способностям?» Очевидно, «с бюрократической точки зрения казалось», как совершенно справедливо замечает В. И. Семевский, что «прошения, поданные Петрашевским, мог написать только человек не вполне нормальный».

В это время, 2 сентября 1856 г., в Иркутске было получено отношение министра внутренних дел губернатору Восточной Сибири о том, что Петрашевский, по высочайшему повелению, освобожден от каторжной работы с переводом на поселение.

Не бросая своей мысли добиться так или иначе «правды», Петрашевский в январе 1857 г. был уже в Иркутске, где с разрешения генерал-губернатора и поселился, будучи приписан к Кудинской волости, находившейся в 21 вер. от Иркутска. Сюда же были переведены Спешнев и Львов.

В Иркутске Петрашевский продолжал сильно нуждаться в деньгах, и безучастие к нему его богатой матери было поистине бездушно. Теплее всех относился к Петрашевскому его зять, женатый на его старшей сестре, Софии Васильевне, полк. штаба корпуса инженеров путей сообщения П. Ф. Демор [1]), с которым Петрашевский переписывался и всегда заканчивал письма: «Желаю Вам и всем Вашим всего лучшего, остаюсь любящий Вас»...

Петрашевский жил в Иркутске то вдвоем со Спешневым, то втроем со Спешневым и Львовым, продолжая нуждаться. Первое время он занимался ведением частных дел в качестве стряпчего, но, как сообщала жена чиновника Красноярова, дел бывало очень мало, и потому, «при всей усердной экономии», Петрашевский часто лишен был самого необходимого.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев принимал у себя Петрашевского, Спешнева и Львова, играя в либерализм и даже в анархизм. Но это не остановило Петрашевского резать ему в глаза и про него горькую правду со свойственным ему сарказмом. Вместе с тем, Петрашевский продолжал свои настойчивые прошения и 7 марта 1857 г. написал вновь дополнительное прошение в V департамент сената, приложив к нему прошение от 19 декабря 1855 г.

Конечно, прошения не имели никаких результатов, упрочивая только среди бюрократии мнение о «беспокойном его характере».

Когда редактором «Иркутских Губернских Ведомостей», был назначен Муравьевым Спешнев, Петрашевский принял участие в этой газете и поместил несколько статей. Однако, литературного таланта у него не было; он был только блестящим оратором. Бакунин, относившийся к Петрашевскому весьма недружелюбно, все-таки признавал, что Петрашевский в самом деле «необходимый человек», что у него «замечательный талант к агитаторству», что в нем «много разных талантов для увлечения толпы», и «если бы у нас была революция», то он, без сомнения, выделился бы в первые же ее дни.

Конец сносному житью Петрашевского в Иркутске положила история о дуэли между членом совета гл. упр. Вост. Сиб. Беклемишевым и чиновником особых поручений Неклюдовым, на которой последний был смертельно ранен и вскоре умер.

Когда в обществе явилось подозрение, перешедшее впоследствии в убеждение, что Неклюдов был убит изменнически,

---

[1]) Впоследствии ген.-лейт., последний начальн. штаба корпуса инженеров путей сообщения.

Петрашевский не замедлил встать на сторону Неклюдова. К несчастью для него, Муравьев был противоположного мнения, и страстная защита Петрашевским Неклюдова привела его к новым страданиям. Муравьев перестал принимать у себя Петрашевского и его единомышленника в этом деле, Львова, и они впали у него в немилость.

Доконало же Петрашевского его сотрудничество в газете «Амур», за которое, в отсутствие Муравьева, уехавшего в Петербург, его помощник Корсаков выслал Петрашевского из Иркутска. Самая высылка носила возмутительный характер. Началось с того, что Петрашевский узнал, что губернатором Извольским задержаны присланные Венцелю на имя Петрашевского П. Ф. Демором 125 р., а письмо к нему вскрыто. Он явился, возмущенный произволом, в общее губернское управление и стал «в непочтительных выражениях» требовать объяснений. Узнав об этой истории, ген.-м. Корсаков вызвал Петрашевского к себе и приказал ему отправиться под арест в полицию. В 10 час. веч. к Львову явились полицеймейстер, частный пристав и полицейские солдаты и предложили ему собрать вещи Петрашевского, а затем повезли его на квартиру полицеймейстера, куда в 11 час. привели Петрашевского и позволили ему проститься с товарищем, а в 12 час., в сопровождении сотника Разгильдеева и казака, Петрашевский был отправлен из Иркутска, причем ему даже неизвестно было, куда его ведут.

У Петрашевского не было даже теплой одежды, и Разгильдеев выдал ему доху, кушак, шапку и рукавицы. Оказалось, что его сослали в Минусинский округ Енисейской губ., где енисейский губернатор Падалка назначил Петрашевскому на жительство село Шушенское.

По прибытии в село, Петрашевский вновь пытается искать правды законным путем, и 9 мая 1860 г. послал прошение министру внутренних дел, а затем и еще ряд прошений, но Муравьев был непреклонен и прошениям никакого ходу не давал.

На все упреки родных и знакомых за борьбу с начальством в Иркутске Петрашевский отвечал: «Можно, руководствуясь чувством или соображениями мелочного благоразумия, винить меня за то, что в сем случае я не выказал скромности только что вышедшей в свет институтки или savoir faire г. Молчалина, тогда бы, разумеется, я бы избежал многих неприятностей. Если бы я был сослан за воровство, мошенничество, измену отечеству, а не за то, что требования нравственные общества, требования общего блага понимал яснее других, говорил, когда все молчали, также отмалчивание и даже нахваливание явно бесчестных действий всякой власти... могло было быть мне по сердцу. Но если

я смело однажды выступил на борьбу со всяким насилием, со всякой неправдою, то теперь уже мне не сходить с этой дороги ради приобретения мелочных выгод и удобств жизни. Мне теперь уже поздно обучать себя «выгодному подличанью».

Очень интересно письмо Петрашевского к Д. И. Завалишину от 15 июня 1860 г., в котором он метко характеризует пришибленность русского человека того времени:... «все мы, русские—существа какие-то пришибленные, в нас всех ощутителен недостаток самостоятельности личной в смысле гражданском,—все мы трусы... В столкновениях с властью мы до того трусливы, что даже и в дружеском кругу боимся нашу мысль высказать вполне. Нам все мерещится за спиной квартальный. Мы все еще одурены, до некоторой степени, перешедшим к нам по наследству разрушающим бодрость духа религиозным благоговением ко всякой власти. На всякую административную тлю, особенно в генеральском чине, мы смотрим как на богов громовержцев»...

Но Петрашевский хлопотал не только за себя. Он, высланный на житье в Шушенскую волость, сделался адвокатом своих односельчан и за них боролся с местными властями против разных утеснений и неправд.

До конца сентября 1860 г. Петрашевский жил в Минусинске, но когда на должность окружного начальника был назначен шт.-кап. Романович, он был немедленно сослан в село Шушу, очевидно, по негласному приказанию Муравьева. Петрашевский не замедлил представить енисейскому губернатору Падалке протест и просьбу поселиться в одной из волостей Красноярского округа. Падалка внял просьбе ссыльного и представил на утверждение Муравьева его просьбу, которую находил возможным утвердить. Но Муравьев питал злобную мстительность относительно Петрашевского и настоял на том, чтобы Петрашевский, которому преемник Падалки разрешил «временно» поселиться в Красноярске, был вновь водворен в Шушенскую волость и чтобы впредь, без его, Муравьева, разрешения или заступающего его место, «отнюдь не увольнять Петрашевского в города».

Однако, местные власти относились к Петрашевскому более сердечно и, ссылаясь на его болезнь, оставили его в Красноярске. Кроме того, сестра Петрашевского Александра Васильевна подала шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову прошение на имя государя об облегчении участи брата. В результате Петрашевскому было разрешено остаться в Красноярске. Вскоре, однако, судьба Петрашевского вновь становится суровою к нему. Через Красноярск проезжал Н. В. Шелгунов, известный публи-

цист того времени, с женою, главным образом, чтобы организовать побег М. И. Михайлова.

Узнав об этом, Петрашевский посетил Н. В. Шелгунова, и так как на последнего обратила внимание местная администрация, то у Петрашевского был сделан обыск. К счастью, его предупредил один из полицейских, и обыск окончился благополучно для него.

Но мог ли Петрашевский оставить это дело без протеста? Верный себе, он тотчас же составил заявление о незаконности обыска и, введенный, вероятно, кем-нибудь в заблуждение, направил его 30 ноября 1862 г. томскому гражданскому губернатору, утверждая, что обыск был сделан вследствие его натянутых отношений к енисейскому губернатору. Дело разъяснилось, но Петрашевский продолжал подавать прошения, протестуя против притеснений, ему чинимых властями. И на беду стал подписывать их «потомственный дворянин С.-Петербургской губернии». Ему приказано было называть себя поселенцем и предложили дать подписку в том, что он впредь не будет называть себя дворянином... Но Петрашевский и не подумал дать такую подписку и продолжал подписываться дворянином.

Тогда, по приказанию Корсакова, Петрашевский был заключен на месяц в красноярский тюремный замок. Однако, и это не сломило железного характера Петрашевского, и он подавал новые прошения, подписывая их тем же званием.

Чтобы избавиться от него, енисейский губернатор Замятнин 21 марта 1864 г. выслал Петрашевского из Красноярска вновь в Шушенскую волость. Здесь, помимо продолжающихся прошений, до—«на высочайшее имя» включительно, Петрашевский вошел в сношения с находящимися в Минусинском округе политическими ссыльными и вмешался в дело об убийстве поселенцем Фельдгазеном купца Чернышева. Петрашевского постигла новая кара: его перевели в глухую деревушку Верхний Кебеж, находившуюся в 115 верстах от Минусинска.

Какая была его жизнь в этой дыре, видно из рассказов политического ссыльного—некоего Маркса: «Заседатель поместил его в квартире, из которой он не должен был отлучаться: она состояла из отдельной избушки, которая, к несчастью, не была проморожена предыдущею зимою. Одну из египетских казней в Сибири составляют насекомые—тараканы... Крестьяне, чтобы избавиться от них, хотя на время, в самые жестокие морозы, градусов в 40, выселяются из своих изб, отворяют двери, выставляют окна и наваливают на пол груду снега. Это называется вымораживанием... Без этого тараканы размножаются в ужасающем количестве, и в невымороженной избе ничего съестного

держать нельзя—все будет съедено тараканами в несколько часов. А о заползании под белье, в нос, глаза, в уши и рот и об укусах их и говорить нечего». В такой квартире должен был жить Петрашевский.

Вскоре, впрочем, он был возвращен в Шушенскую волость. Этим, однако, злоключения Петрашевского не кончились. В виду того, что он продолжал «вредно влиять» на политических ссыльных поляков, Корсаков обратился к Замятнину с отношением, в котором, указывая на это обстоятельство, предлагает выслать Петрашевского «в такую местность Минусинского или Енисейского округа, где бы он не мог иметь никаких сношений с политическими преступниками». Замятнин 2 мая 1866 года известил Корсакова, что назначил Петрашевскому на житье село Бельское, Енисейской губернии. Но и здесь его не оставили в покое. 11 июня 1866 года Замятнин шлет Корсакову новое донесение, в котором говорит, что хотя в с. Бельском и нет ссыльных поляков, но так как в нем имеется волостное правление, поляки непременно должны посещать его и что при этом удобном случае «хитрый и пронырливый Петрашевский очень легко может снова завести здесь знакомства и непозволительные связи с поляками», а потому Замятнин нашел необходимым поселить Петрашевского в более «удобном» месте и перевел в одну из деревень Бельской же волости, в стороне от тракта.

Сколько времени прожил Петрашевский в этой деревне, неизвестно, но все же он был возвращен назад в с. Бельское, где в скором времени и скончался.

Село Бельское, в котором пришлось Петрашевскому окончить свою многострадальную жизнь, представляло поистине удручающее впечатление. Сотня жалких домишек, разбросанных по двум оврагам, вблизи небольшой, заросшей травой речки, а далее со всех сторон глухая тайга—на сотни и тысячи верст... О какой-либо культуре не могло быть, конечно, и речи. Довольно указать на то, что, несмотря на существовавшую несколько десятков лет школу, громадное большинство крестьян было безграмотно; многие из них прямо забывали то, чему научились в школе, так как никаких книг в селе не было, а ближе Енисейска, до которого было около 150 верст, их и достать было нельзя.

Тягость положения Петрашевского усугубилась тем, что жители села, под влиянием суровой природы и угрюмой обстановки, отличались всеми отрицательными, несимпатичными чертами сибиряка: угрюмостью, нелюдимостью, эгоизмом, бесчувственностью и жаждой наживы.

В. Арефьев, собравший впоследствии подробные сведения о Петрашевском в селе Бельском, говорит: «Жил Петрашевский в простой крестьянской избе... Не было здесь у него ни родных, ни товарищей, ни мало-мальски близких знакомых. Крестьяне его недолюбливали за его нелюдимость, но смотрели на него как на очень важное лицо, потому что он очень независимо держал себя по отношению к местным властям и постоянно враждовал с ними. Ходили к нему только бедные крестьяне; он писал им разные прошения и жалобы, помогал советами и лечил их... С городским начальством Петрашевский был в большой вражде, выводил, по рассказам старожилов, на свежую воду все их грехи, писал на них жалобы, и этим навлек на себя их общую ненависть. Однажды он ездил в Енисейск из-за каких-то столкновений с начальством. Возвратился оттуда бодрым и здоровым, поужинал, а на утро его нашли в постели мертвым. Народная молва приписала его скоропостижную смерть отравлению, которое будто бы было произведено в городе по подкупу начальства, ненавидевшего покойного. В селе сохранилась целая легенда об этом отравлении».

На самом деле, вскрытие, произведенное врачем А. И. Вицыным, приятелем покойного, определило смерть от апоплексии мозга. А. И. Вицын, между прочим, был поражен величиной и весом мозга Петрашевского. Есть известие, что после смерти Петрашевского остались целые вороха книг и бумаг, но куда они девались, добиться было невозможно: местные жители отвечали: «куда-то увезены».

«По справкам в Благовещенской церкви с. Бельского,—говорит далее В. Арефьев,—оказалось следующее: в 1867 году записан: «политический преступник Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, умерший скоропостижно». Днем его смерти значится 7 декабря 1866 года, а днем погребения—12 февраля 1867 года. Таким образом, труп покойного ждал погребения больше двух месяцев, находясь все это время в местном «холодильнике». Хоронили Петрашевского на средства волостного правления, и ни одна душа не проводила его на кладбище, кроме могильщиков. Как человек, умерший без покаяния, он был зарыт вне кладбища... Лет 15 стояла могила Петрашевского совершенно одинокой, всеми забытой, не отмеченной даже простым камнем». И только в 1903 году племянник Петрашевского Влад. Петр. Демор на свои средства обнес его могилу деревянной оградою и поставил крест.

В феврале 1916 года В. И. Семевский получил от ссыльного Гер. Крыгина из с. Бельского письмо, в котором тот сообщает, что их (ссыльных) «мечты о постановке цементного памятника

на могиле Петрашевского не могут быть осуществлены, так как их расселили по разным местам, да и денег в фонде Петрашевского только 8 р. 20 к. На последнем собеседовании на эту тему,—пишет Крыгин,—мы решили поставить на могиле новый крест... и обнести могилу новой оградой».

Осуществилась ли эта последняя «мечта» политических ссыльных, неизвестно.

Известно только, что могила первого социалиста России М. В. Петрашевского заброшена, а между тем такому выдающемуся человеку, страдальцу, до последнего дыхания оставшемуся верным убеждениям своей молодости, родина обязана поставить достойный памятник не только на могиле, но и в столице.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Лучшую характеристику Петрашевского дает М. И. Венюков, и здесь необходимо привести его правдивые слова. Он говорит:

«Узнав довольно близко этого человека, я могу с совершенной искренностью сказать, что Россия не мало потеряла в его, замученном ссылкою, гонениями и лишениями, лице. Ум многосторонний, резко аналитический и в то же время глубоко-сочувствовавший всему гуманному, без фальши, без экивок, не склоняясь ни перед чьим авторитетом,—он мог бы многое сделать, и не на словах только, а на деле, если бы «ссылка» не задавила его. Что мне в нем больше всего нравилось, это—непреклонность убеждений и воли по отношению к самому себе. Он не польстился на возможность, с помощью Муравьевской протекции и высочайших помилований, реставрировать себя в чинах и званиях и подал в сенат просьбу о пересмотре всего его дела, этой бесчеловечной и беззаконной проделки Николая и его клевретов, испуганных 1848 годом». За это он только еще более пострадал от закоренелых бюрократов, как Муравьев, Корсаков, Замятнин, «но не лучше ли умереть в глуши, почти без куска хлеба, но с непреклонно-гордым челом, чем с гибкой спиною; из почетного сословия русских политических ссыльных перейти в постыдные ряды русской бюрократии и даже, пожалуй, дослужиться до пенсии от тех, с кем боролся и которых ни любить, ни уважать никогда не мог»... И действительно, из всех «петрашевцев» один только могучий характер самого Петрашевского мог выдержать до конца жизни неравную борьбу с тупой, злобной, но всесильной бюрократией.

Его можно было сломить, но согнуть никому не удалось. Его не могли понять, разгадать его побуждения не только власть имущие люди с затуманенным личной ненавистью умом, но и знакомые и даже ближайшие друзья и единомышленники. Так, один из искренних доброжелателей Петрашевского писал ему: « ... Проживши почти полвека и испытавши столько разных разностей на белом свете, можно бы было умерить свои страсти

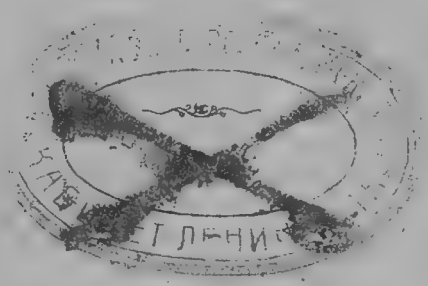
и покориться настоящему положению, дабы смирением и кротостью приобрести те права, которыми воспользовались люди, не менее испытавшие бедственное положение». Какое глубокое непонимание сущности души Петрашевского! В том-то и дело, что *покориться* неправде, *смириться* перед слепой ненавистью, ради личных выгод, Петрашевский органически не мог. Чувствуя, что все гонения на него представляют собою одну сплошную несправедливость, он кровью сердца писал свои прошения. При этом, что особенно знаменательно, в его прошениях ничего просительного не было. Наоборот, Петрашевский почти требовал и попутно бичевал сарказмом глупость, пристрастие и ненависть своих гонителей. Его мечущаяся душа не выносила лжи и открыто возмущалась против нее, несмотря ни на какие последствия от ее обличений. И, вместе с тем, какая это была идеальной чистоты душа, какая удивительная доверчивость к людям, какая вера в свои идеалы! Когда, например, в Красноярск прибыл ссыльный в каторгу писатель М. И. Михайлов, Петрашевский посетил его и при прощании воскликнул: «*до свидания в парламенте ...*». И это сказал человек, сидящий на поселении за «свободомыслие» и испытывавший на себе все прелести твердого самодержавия.

Вера в торжество истины, достойная удивления!.. Но если окружавшие его люди не могли понять его характера, то все, даже самые заклятые враги Петрашевского, признавали его выдающийся ум. Л. П. Шелгунова, проезжавшая через Красноярск с мужем Н. В. Шелгуновым, вращавшаяся в обществе выдающихся писателей 40-х годов, до Н. Г. Чернышевского включительно, в своих воспоминаниях говорит о Петрашевском, что «это был блестящего ума человек». Даже представители крупной бюрократии Сибири, которых Петрашевский буквально донимал своими прошениями, не посмели укорить его в глупости, а называли его человеком дерзким, беспокойного нрава, граничащего с сумасшествием.

Ширина умственного кругозора Петрашевского была колоссального размера. Мы выше уже говорили о его пророческих словах, относящихся к нашему времени. Здесь, кроме того, отметим и большое значение Петрашевского в истории русского революционного движения. Его убеждение, что революция в России необходима, но требует длительной подготовки путем народной пропаганды, целиком было воспринято интеллигентами 70-х годов и создало так-называемое «хождение в народ». Для поверхностного взгляда на это хождение кажется, что оно окончилось ничем. Но если посмотреть глубже и вспомнить слова Петрашевского, формулировавшего пользу пропаганды

так: «достаточно заронить в народ идею социализма, а там она сама расцветет и созреет»,—чтобы понять, что хождение в народ не пропало даром для подготовки к революции.

И вот эта чистота души, полная бескорыстия, эта вечная, до гроба борьба с неправдой, этот погибший не по его вине бесследно для родины выдающийся ум, эта вера в идеалы, эти, наконец, стремления к социальному строю, впервые им в России провозглашенному, дают Петрашевскому право стать в ряды тех людей, которых благодарное потомство должно высоко чтить, как учителей своих, поборников вечной истины и красоты духовной.



ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.